

**ВЫСТУПЛЕНИЕ Е.Т. ГАЙДАРА
НА СОВЕТЕ ПАРТИИ СПС
22 ДЕКАБРЯ 2002 г.**

Москва 2003

Выступление Е.Т. Гайдара на Совете партии СПС

22 декабря 2002 г.

Еще не начавшись, нынешнее декабрьское заседание Совета Партии «Союз правых сил» успело обрасти множеством слухов. В частности, из прессы я с интересом узнал, что, выступая на нем, буду озвучивать тезисы предвыборной программы Владимира Владимировича Путина, которая предназначается для президентской избирательной кампании 2004-го года. Если бы это соответствовало действительности, вероятно, озвучивал бы их, не я, а сам Владимир Владимирович Путин.

Но в таком случае, что за этими слухами стоит? Имелись ли для них какие-то реальные основания? Объяснение состоит, мне кажется, вот в чем. Наши разработки 1998–1999 гг. были востребованы властью и в значительной степени ею реализованы. Происходило это течение 2000–2001 гг., в период так называемого «окна возможностей». Если сопоставить опубликованные нами в 1999 г. предложения по налоговой реформе и реформе бюджетного федерализма с законами, принятыми впоследствии Государственной Думой, Советом Федерации и подписанными Президентом, сразу бросается в глаза сходство этих документов.

Я убежден, что обязательно будут востребованы и наши наработки, касающиеся нового этапа развития России, – то, что мы предлагаем осуществить в стране после 2004 г. Эти предложения будут востребованы, раньше или позже, потому, что они соответствуют реальным потребностям российского общества.

Заранее прошу извинить меня за то, что не смогу охватить весь круг наших наработок. Постараюсь сконцентрироваться на важнейших программных задачах СПС, задачах стратегических, которые определяются наиболее значимыми для России проблемами.

Но сначала – краткая характеристика текущего момента. Прошло три года после предшествующих парламентских выборов, год остался до следующих. Время оценить, что удалось сделать и чего сделать не удалось; время составить себе представление о ситуации и наметить программные цели на будущее.

Мы на прошлогоднем Совете Партии достаточно высоко оценили результаты реформ 2000–2001-го г.г. Действительно, было сделано немало, и мы могли тогда говорить о том, что правительство во многом проводит политику, которую выработал и предлагает «Союз правых сил». К сожалению, сказать то же самое о политике 2002 г. мы не можем, поскольку в 2002 г. какой-либо внятной политики у Кабинета уже не было. А тот импульс реформам, который был дан в 2000 г., к 2002 г. практически выдохся. Нельзя сказать, что не было сделано вообще ничего: принят, скорее по инерции, набор достаточно серьезных решений, важнейшие из которых – это Закон об особенностях оборота сельскохозяйственных земель, хотя он и прошел в изуродованном виде; пакет законов о судебной реформе, тоже во многом выхолощенный, однако зафиксировавший такую необходимую норму, как судебный характер ареста. Но в целом говорить о том, что правительство в 2002 г. проводило некую последовательную политику либеральных реформ, направленную на решение стратегических задач страны, невозможно: такой политики, повторю, просто не было.

Причиной ее отсутствия часто называют предстоящие выборы. В какой-то степени это так: те, кто работает в Думе, чувствуют, как с приближением выборов растет градус популизма в парламенте, насколько труднее становится принимать любые осмысленные решения и насколько легче проходят популистские прожекты. Тем не менее, решусь предположить, что предстоящие выборы – отнюдь не главный фактор перелома в динамике реформ, который произошел в 2002 г. Не надо забывать о другом важном обстоятельстве: в 2001 г. шел процесс постепенного формирования новой партии власти – «Единой России». И

если в 2000 г., в начале 2001 г. фракция «Единство» была неплохим инструментом, который власть использовала для проведения в жизнь либеральной повестки дня, то по мере структурирования этого политического конгломерата – «Единой России» – стало видно, что он начинает все в большей и большей степени оказывать влияние на саму политику, которую вырабатывает власть.

Конечно, люди в состав «Единой России» входят разные: там сосуществуют те, кто готов выполнять любые указания власти, и искренние консерваторы; сторонники партии реванша и защитники господствующих высот, занятных региональными баронами... Но все-таки по своему характеру, по своей структуре «Единая Россия» – это партия российской бюрократии. А у российской бюрократии есть свои классовые интересы.

И эти классовые интересы понятны. Их направленность четко проявляется на примере, скажем, отношения правящей партии, у которой большинство в парламенте и которую контролирует исполнительная власть, к реформе жилищно-коммунального хозяйства. Подобная реформа задевает, без преувеличения, большинство российских граждан. Есть там и «мелкая» проблема: государство предоставило своим гражданам набор льгот, стоимость которых оценивается примерно в 50 млрд. руб. А оплачивает из этой суммы – всего 17 млрд. руб. Выйти из ситуации позволило бы одно из следующих вполне логичных решений: первое – платите, второе – отмените льготы. Вы – партия власти, и все в ваших руках. Но отменять льготы партия власти отказывается. И платить в полном объеме – тоже.

К чему ведет в конечном счете такая позиция, ясно. К полной невозможности контролировать огромный сектор, которому все время должны и где вследствие этого никто ни за что не отвечает. Пусть там воруют деньги и после этого замерзают дома – вы никогда ничего не сможете контролировать, потому что не хотите отчетливо произнести: вы

будете платить по своим обязательствам или нет? Адресуя партии власти этот простой вопрос, нельзя не склониться к грустным размышлениям: а зачем российской бюрократии иметь простые, прозрачные, контролируемые процедуры? Чтобы воровать было сложнее? А надо?!

В продвижении реформ мы подошли сегодня к тому моменту, когда принципиальные вопросы решать предстоит не в чисто экономической сфере, а в сфере государственного устройства, в сфере функционирования власти. Не может не волновать коррупция власти; не могут не волновать функционирование судебной системы и, в этой связи, гарантии прав собственности. Общество требует, чтобы власть была некоррупционной, прозрачной, подконтрольной. А российская бюрократия совершенно откровенно демонстрирует свое неприятие этих требований: Ну что вы? Некоррупционная? Прозрачная? Подконтрольная? Да никогда!

И вот этот классовый инстинкт партии власти, инстинкт, добавлю, абсолютно осознанный, все в большей степени проявляется в практически реализуемой политике, все в большей степени тормозит те реформы, которые необходимы стране для того, чтобы обеспечить базу устойчивого экономического роста.

Налоговая реформа практически остановилась, реформа бюджетных расходов и не начиналась, нет ни малейших признаков серьезного продвижения в реформе системы здравоохранения и образования, не началась административная реформа, по поводу военной реформы – я буду говорить о ней ниже подробнее – идут тяжелые бои, но практически и она не началась. Короче говоря, ряд важнейших реформ, без которых устойчивый рост в России невозможен, сегодня практически остановлен. Это очень опасный процесс, который мы видели в 2002 г. и, боюсь, будем, к сожалению, видеть дальше.

Несколько слов о нынешнем экономическом положении, о тенденциях и рисках.

Идут продолжительные дебаты о том, какова природа экономического роста, который с 1999 г. наблюдается в России. Есть две основных точки зрения. Одна предельно комплиментарная для правительства: к власти пришел В.Путин, последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они и вызвали рост. Вторая никаких особых заслуг за правительством не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесценением рубля. Структурные реформы, конечно же, для перспектив роста важны; точно так же важны для российской экономики динамика цен на нефть и реального курса рубля. Но глубина и природа сегодняшнего экономического роста в России прямого отношения к обозначенным выше факторам не имеет.

Поясню. Почему-то, обсуждая тему роста в нашей стране, мы Россию как бы «вырываем из контекста», то есть игнорируем тот факт, что существует еще примерно три десятка государств, которые, подобно нам, решают задачу постсоциалистического восстановления. И если анализ развития событий в России производить в контексте того, что происходит у наших соседей, станет очевидно, что растут экономически сегодня, за мелкими исключениями, практически все страны, расположенные на постсоветском пространстве. Росли на протяжении всего периода после краха Советского Союза? Нет. Между 1991 и 1994 годами во всех этих государствах наблюдалось падение производства. В 1995 году начинают появляться первые признаки роста, в первую очередь в тех странах, которые до этого были втянуты в войны или оказались объектом блокады. В 1996–1998 гг. видим рост и в других странах. Неустойчивый, часто обратимый, признаки роста сменяются падением. С 1999 г. рост обретает стабильность и происходит почти повсеместно, кроме Украины. В 2000 г. – повсеместно (исключение – Киргизия в 2002 году).

Напомню, что среди постсоветских государств есть нетто-экспортеры нефти и нефтепродуктов. Есть нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов. Есть те, в которых в течение 1995–2002 гг. происходило

реальное укрепление национальной валюты. Есть те, в которых происходило реальное ослабление национальной валюты. Ни в одной из постсоветских стран, кроме нашей, не приходил к власти Владимир Владимирович Путин и не начинались реформы по российской модели 2000–2001 гг. И, тем не менее, все они являются сегодня растущими экономиками.

Но если мы все вместе «падали» в первой половине 90-х, а с конца 90-х все вместе «растем», есть резон предположить, что и падение в начале десятилетия, и сменивший его в конце десятилетия рост – части единого процесса.

Так оно и есть, и объясняется этот постсоциалистический переход из спада в рост тем обстоятельством, что при социализме колоссальная часть производственной деятельности была экономически не оправдана.

Крупнейшие экономисты XX века, создававшие концепцию национальных счетов и валового внутреннего продукта, к понятию валового внутреннего продукта относились очень и очень деликатно, прекрасно понимая его социальную обусловленность.

Можно вспомнить блестящего американского ученого русского происхождения, нобелевского лауреата Саймона Кузнеца, отмечавшего, что при своеобразных погребальных обрядах, характерных для Древнего Египта (умершим оставляли съестные припасы), трудно определить применительно к тогдашней египетской экономике, подушевое значение валового внутреннего продукта: делить ли все, что произведено, на живое население Египта, или же на число живых и первое поколение мертвых?

Можно вспомнить о том, что Саймон Кузнец отказывался включать социалистические страны в предмет изучения современного экономического роста именно по той причине, что не был уверен, в какой степени сама концепция ВВП применима для социалистических экономик. Однако сегодня мы оперируем понятием ВВП чересчур легко, нередко забывая о фундаментальных гипотезах, которые лежали в его основе.

Между тем, следует помнить: концепция ВВП формировалась для рыночных экономик с относительно небольшим государственным сектором, при этом государственным сектором, который функционирует в условиях демократии. Отсюда гипотеза создателей концепции ВВП: если за товар или услугу кто-то платит либо как налогоплательщик, либо как потребитель, то, следовательно, мы имеем дело с осмысленной экономической деятельностью, которая имеет ценность. Кажется, все логично и достаточно просто, но – лишь для рыночных экономик, функционирующих в условиях демократии. А попробуем наложить сказанное на реалии социалистической экономики... Здесь ничего реально не продается и не покупается, здесь доминирует рынок продавца. Объемы производства, структура производства, структура распределения, определяется авторитарной властью. Можно ли полагать, что всякая экономическая деятельность, осуществляемая в рамках подобного режима, является осмысленной экономической деятельностью? Огромные объемы экономической деятельности, которая осуществлялась в течение социалистического периода, не имели никаких оснований, платить за них в условиях рынка и демократии никто бы не стал.

А это означает, что колоссальное количество этой деятельности не имеет ни малейшего экономического смысла

В свое время осушали Кара-Богаз-Гол для того, чтобы остановить падение уровня Каспия. Потом строили канал Волга–Чаграй, чтобы отвести воду из Волги и приостановить повышение уровня Каспия. И в первом случае, и во втором создавался ВВП – если, конечно, рассматривать это понятие под привычным углом зрения социалистических экономик. В 70-х годах прошлого века были потрачены крупные средства на то, чтобы осушить торфяники под Москвой. В 2002 году эти торфяники горели, и сейчас обсуждается вопрос о том, не надо ли оросить их снова. Работы по осушению давали прирост валового внутреннего продукта. Если придется орошать, это тоже даст увеличение валового внутреннего продукта. Если

приступить к реализации идеи Ю.М. Лужкова о переброске сибирских рек в Среднюю Азию, валовой внутренний продукт будет бурно расти. Конечно, придется немножко перестроить наши экономические, и не одни лишь экономические институты, может быть, посадить людей на карточки, но – валовой внутренний продукт возрастет.

Итак, демонтаж социалистической структуры хозяйствования высветил тот фундаментальный факт, что значительная часть экономической деятельности, которая реализовывалась в условиях социализма, никогда не будет востребована в условиях рынка и демократии. Но процесс перераспределения ресурсов, сконцентрированных в этих видах деятельности, в другие, в те, на которые есть реальный рыночный спрос, не может произойти немедленно. Собственно, и постсоциалистическая рецессия, и последующее восстановление – это единый процесс. Просто на первых стадиях постсоциалистического перехода ресурсы, которые высвобождаются из нерыночного сектора, значительно превышают по своему объему те, которые могут быть задействованы в секторе, работающем на рынок, на реальный трудоспособный спрос. К тому времени, когда ресурсы, которые могут быть задействованы в рыночном секторе, оказываются большими, чем те, которые высвобождаются из нерыночного сектора, постсоциалистическая рецессия останавливается и начинается постсоциалистический восстановительный рост.

Какими факторами определяются масштабы и протяженность постсоциалистической рецессии? Исследователи указывают на то, что большую глубину и большую продолжительность имеет она в тех постсоциалистических странах, где социализм существовал на протяжении не двух поколений (40 лет), как в Восточной Европе или в странах Балтии, а трех (75 лет); где масштабы нерыночного сектора и диспропорции, порожденные периодом социалистического хозяйствования, были больше.

Рост, который мы видим в России сегодня, – в отечественной истории не уникален. У него много схожих черт с восстановительным ростом, имевшим место при НЭПе, после революции и Гражданской войны. Понятие «восстановительный рост» ввел в научный обиход замечательный российский экономист В. Громан, описавший его особенности в своих работах, относящихся к 20-м годам. Согласно Громану, восстановительный рост – это рост, который происходит при использовании ранее созданных производственных мощностей, ранее обученной, квалифицированной рабочей силы. Данные составляющие в сочетании с ликвидацией дезорганизации, восстановлением хозяйственных связей (ученый отмечал, что несмотря на те разрушения основных фондов, которые принесла Гражданская война, гораздо большую роль в падении производства сыграли не физические разрушения, а дезорганизация хозяйственных связей) позволяют объединить вновь факторы производства, запустить производственный процесс.

Характерная черта восстановительного роста – его предельно высокие темпы на начальном этапе, неожиданные для специалистов, экспертов, политической элиты. Никто из специалистов Госплана, вспоминает Громан, не ожидал, что темпы экономического роста в 1923–1924 хозяйственных годах, сразу после денежной реформы и стабилизации денежного обращения, будут столь высокими. Госплан прогнозировал, что экономический рост в 1923–1927 годах без масштабных капиталовложений может в целом вывести национальный доход Советского Союза на уровень примерно половины национального дохода России 1913 года. Оказалось, национальный доход СССР достиг в эти годы уровня, близкого к 100 процентам российского ВВП 1913 года (статистика этого периода является спорной, оценки колеблются в пределах от 90% до 110% российского ВВП 1913 года, но общая картина от этого не меняется)

Точно также нынешнее российское правительство в своих бюджетных документах наиболее вероятными на 2000-й год считало

показатели в диапазоне от 0,2 процента роста до в 2,2 процента падения. Международный валютный фонд прогнозировал весной 2000-го года рост российского ВВП на 1,5 процента. Реально же рост ВВП составил 9 процентов. Рост промышленного производства – 11 процентов.

На Украине, где пик темпов роста пришелся на 2001 год, прогнозировалось увеличение ВВП на 3,5 процента. Реальный рост составил 9 процентов.

В общем, восстановительный рост с его чрезвычайно высокими на начальном этапе темпами приходит неожиданно, как приятный сюрприз. Но вот дальше – уже далеко не радостная особенность: восстановительный рост по своей природе носит затухающий характер, поскольку производство запущено, как говорилось, благодаря соединению имевшихся, старых мощностей со старой квалифицированной рабочей силой, а располагаем мы обоими этими ресурсами в объемах ограниченных. Поэтому темпы роста начинают падать, как они падают сегодня у нас.

Однако сами предельно высокие темпы восстановительного роста на его ранних стадиях затем задают планку в экономической политике. В 20-е годы в России проблема того, как не допустить падения темпов экономического роста, порожденного восстановительными процессами, была важнейшей. Попытки резкого увеличения темпов вложений и форсирование экономического роста в 1925–1926 годах привели к дестабилизации денежного обращения, росту цен и появлению дефицита товаров. Тогда эти процессы протекали на фоне еще не исчерпанных резервов восстановительного роста. Именно поэтому весной 1926 года советское правительство искало разрешение противоречий на пути восстановления баланса денежного обращения, преодоления инфляционных тенденций, снижения темпов роста капитальных вложений. В 1927–1928 годах аналогичная попытка подстегнуть темпы экономического роста проходила уже на ином фоне: основные резервы

восстановительного роста исчерпаны, темпы его резко падают. И вновь давшие о себе знать финансовые диспропорции (рост цен, обострение товарного дефицита) были разрешены уже не путем восстановления финансового и денежного баланса, а на основе полного демонтажа инструментов новой экономической политики, принудительного изъятия зерна у крестьян, насильственной коллективизации.

Когда весной 2002 года в политической элите началась дискуссия о недопустимости ориентации российского правительства на осторожные проектировки 4-процентного роста ВВП и о необходимости иметь более амбициозные планы, я не мог не вспомнить о том, что председатель Совнаркома Н.Рыков первый раз подал в отставку в марте 1928 года на заседании Политбюро ВКП(б) именно в ответ на требования товарищей ставить перед собой более амбициозные задачи. Известный советский экономист академик С.Струмилин в то время говорил: «Я предпочитаю стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие». Жесткая позиция премьера М.Касьянова, сказавшего весной 2002 года, что прорывов не будет, показывает, что за прошедший век мы чему-то научились.

Для того, чтобы создать предпосылки уже не восстановительного роста, а устойчивого, долгосрочного роста на основе создания новых мощностей, вложений, когда вкладывать деньги инвестор должен не на короткий период, а на многие годы, нужен совершенно другой уровень гарантий, вообще всех институтов доверия к собственности, нежели при восстановительном росте, когда ты просто запустил производство и оно начало давать тебе прибыль.

Нынешнее российское правительство стремится – по крайней мере, стремилось, в 2000– 2001 г. – создать предпосылки устойчивого, не восстановительного роста, и это, разумеется, правильно. Но здесь мало просто провести налоговую реформу или ввести новый трудовой кодекс, нужен целый набор важнейших структурных реформ, и они должны дополнять друг друга. Потому что у вас может быть замечательная

налоговая система, но если при этом судебная система не функционирует или дико коррумпирован государственный аппарат, не будут люди вкладывать на долгие годы с огромными рисками свои деньги в нашу экономику. А, значит, рост будет носить затухающий характер, отсюда риск авантюрных экспериментов, подобных тем, которые, подорвали НЭП. Едва ли не самая, на мой взгляд, серьезная угроза, с которой мы сталкиваемся сегодня, заключена именно в сочетании затухающих темпов восстановительного роста и резкого замедления – под усиливающимся влиянием российской бюрократии – структурных реформ. Это опасный риск, который вполне может сыграть крайне негативную роль в развитии ситуации в российской экономике, в российском обществе.

Одно из проявлений этой проблемы – олигархический капитализм. Не в том виде, в котором он существовал в конце 90-х годов, когда очень небольшая группа людей вела себя как реальное правительство России, да, в общем, и являлась реальным правительством России, – это вчерашний день. Но сохраняющиеся сегодня российские реалии – колоссальная концентрация ресурсов в руках очень небольшого круга крупнейших компаний; концентрация, позволяющая обеспечить тесное переплетение экономической мощи с политическим влиянием, переплетение власти с собственностью.

Частично это реакция на несовершенство российского государственного устройства, на слабость российской судебной системы: если вы не можете добиться, чтобы контракты выполнялись через суд, вы создаете крупные вертикально интегрированные компании и обеспечиваете управляемость за счет того, что контролируете всю производственную цепочку.

Но это и фактор сохранения несовершенства государственного устройства, слабости судебной системы, потому что, привыкнув решать свои хозяйственные конфликты с использованием властного ресурса, с привлечением силовых структур, вы заинтересованы в том, чтобы у вас и

дальше был коррумпированный государственный аппарат, и дальше оставалась слабой судебная система. А это стратегически крайне опасно для страны.

В данной связи нерешенная пока задача создания предпосылок реального рынка свободной конкуренции, рынка равных условий игры остается для СПС важнейшей как в практическом плане, так и в стратегическом.

Несколько слов о политическом развитии.

В ходе обсуждений этой тематики на наших партийных форумах не раз звучала мысль о том, что власть получила серьезную автономию и существует риск того, что она воспользуется ею для формирования авторитарного режима. Я не сторонник того, чтобы кричать: «Волк! Волк!», когда волка нет. Это вообще, как показывает традиция русских сказок, довольно опасная практика. Собственно авторитарные тенденции в современной власти пока не проявились. Борис Ефимович Немцов после его выдворения из Белоруссии в своих интервью обращал внимания на то, как хорошо жить в России, когда прилетаешь из Минска. Это чистая правда. Все-таки в России оппозиция сидит в парламенте, а не в тюрьме, а лидеры оппозиции не пропадают, как у г-на Лукашенко, в неизвестном направлении.

Вместе с тем, утверждать, что у нас идет нормальный процесс демократического развития, я бы тоже не стал.

Та угроза, которая у нас сегодня проявилась, – это не угроза формирования авторитарного режима. Это угроза формирования такого режима, который называют «закрытой демократией». При «закрытой демократии» вроде бы функционируют все необходимые институты: есть политические партии, присутствует, в той или иной степени, свобода слова, оппозиция входит в парламент, оппозиционные политики ездят за рубеж и возвращаются в страну. Но вот результаты выборов как-то заранее предопределены, и от них мало что зависит.

Подобные режимы действительно существовали, в мире они известны. Скажем, именно такой характер носила политическая система Италии в период между Второй мировой войной и концом «холодной» войны: все было – партии, выборы, свобода слова, но только ни к каким мало-мальски значимым изменениям результаты выборов почему-то не приводили. То же самое относится к политической системе Японии после Второй мировой войны, политической системе Мексики до последнего времени.

Формирование «закрытой демократии» происходит обычно в ситуации, когда значительная часть общества готова голосовать за партии, опасные для страны. Скажем, в той же Италии существовал политический консенсус в элите, направленный на то, чтобы в условиях «холодной» войны не пустить к власти коммунистов. И вся политическая система была устроена соответствующим образом.

Есть подобного рода основания в России? В общем, есть, конечно: у нас немалая часть людей голосует за партии, с моей точки зрения, крайне опасные. И существует соблазн использовать вот это самое простое решение – сформировать режим «закрытой демократии». Но надо понимать – как показывает опыт, – что если вы идете по пути создания «закрытой демократии», то получаете крайне коррумпированное государство и крайне уродливый политический процесс. Ни одной из стран, выбравших для себя «закрытую демократию», избежать такого не удалось. А коррупция сегодня в России – это важнейшая преграда для нормального развития страны и нормального экономического роста, это важнейший фактор консервации наших сегодняшних проблем.

Поэтому я убежден в том, что установление режима «закрытой демократии» – с использованием властного ресурса, манипуляция результатами выборов, снятие кандидатов перед выборами – все это очень и очень для нашей страны опасно. Да, сформировать реальную работающую демократию гораздо сложнее, чем «закрытую», тем не менее,

если мы рассчитываем на достойное место для России в мире XXI века, другого выхода нет.

Теперь о важнейших стратегических задачах «Союза правых сил».

Как известно, генералы очень часто готовятся к прошедшей войне. К сожалению, не менее часто готовятся к прошедшей войне также экономисты и политики. И когда сегодня идет обсуждение проблем развития России, то видно, с каким энтузиазмом предлагаются рецепты, которые принесут выигрыш в давно завершившихся баталиях. Колоссальная часть предложений строится вокруг так называемой модели догоняющей индустриализации.

Модель догоняющей индустриализации предельно проста. Вы видите страны, более развитые, чем ваша собственная, страны, которые ушли вперед, и отмечаете: у них есть металлургические заводы, а у вас нет, у них есть железные дороги, а у вас нет, у них есть химические комбинаты, а у вас нет. Что надо сделать, понятно. Вы выжимаете какие-то деньги, скажем, из своего сельского хозяйства, закупаете комплектное оборудование, обучаете своих рабочих новым профессиям, и у вас появляется и металлургический завод, и железная дорога, и химическое предприятие, – постепенно вы формируете ту индустриальную базу, которая есть у опередивших вас стран.

Вот, собственно вся логика стратегии догоняющей индустриализации. Реализовывалась она в свое время многократно в разных странах, включая нашу. Примерно то же самое нам предлагают сделать сейчас. Определим, допустим, что наши нынешние приоритеты – производство компьютеров, авиационная техника и т.д. Вложим в эти сферы деньги, создадим для работающих там предприятий преференции, будем пестовать соответствующее производство и в конце концов догоним мировых лидеров... При этом упускается из вида «маленькая» деталь: мир радикально изменился, мы вошли в стадию постиндустриального развития, которая отличается от стадии индустриального развития коренным

образом. Структурные сдвиги происходят в постиндустриальной стадии неизмеримо быстрее, основные инструменты роста там совершенно другие. Ну хорошо, можно поставить перед собой задачу – выйти на первое место в мире по производству персональных компьютеров, больше того, ее можно решить. Но нет никаких гарантий, что к тому времени, когда вы ее решите, компьютеры в том виде, в котором вы будете способны их производить, хоть кому-нибудь окажутся нужными. Потому что мир за это время станет другим.

Основная структурная ячейка постиндустриального мира – это не металлургический завод и не компьютерный цех. Это университет, это исследовательское подразделение, это госпиталь с хорошим персоналом, хорошим оборудованием. Для такой структурной ячейки мало закупить комплектное оборудование; основа – это способность людей вместе работать и создавать новые знания. А этого вот методами промышленной политики эпохи индустриализации добиться невозможно.

Сказанное выше – отнюдь не аргумент в пользу того, что нам не нужна стратегия. Это аргумент в пользу того, что стратегию, которая нам более чем нужна, искать следует совсем не там, где ее искали в середине XX века, поскольку ключевые проблемы начавшегося XXI века носят иной характер.

В этой связи несколько слов о наборе подобного рода ключевых проблем.

Население России в XXI веке.

Население России в XXI веке будет резко сокращаться. Есть иллюзия того, что нынешние демографические проблемы страны, падение численности населения, связаны с реформами 90-х годов. Тот, кто придерживается подобной точки зрения, проявляет полное непонимание того, как реально происходили демографические процессы в России, что происходит сегодня в мире.

В первой половине XXI века будет резко сокращаться коренное население Италии, Германии, Японии, Испании, Франции – да практически едва ли не всех развитых постиндустриальных стран. Исключение составят иммигрантские страны (США, Израиль) и страны со значительной долей населения – иммигрантов. А Россия будет в том же положении, что и Германия, Франция, Италия.

По существующим прогнозам, при нулевом сальдо миграции численность населения России к 2050 г. сократится до 80 (пессимистическая оценка) – 110 (оптимистическая оценка) миллионов человек. И что-либо сделать с этим практически вряд ли возможно.

Причина столь низких показателей – в явлении, получившем название второго демографического перехода. Второго – потому что ему предшествовал первый. Мир с XIX века вошел в режим – используя здесь научное определение – современного экономического роста. Это режим сложных, взаимосвязанных изменений в уровне жизни, структуре экономики, структуре занятости, структуре расселения, структуре семьи, числе детей и т.д. Одна из характерных черт первого демографического перехода в том, что сначала резко падает смертность при сохранении высокой, традиционной для аграрного общества, рождаемости, это приводит к резкому росту населения, потом рождаемость падает, и численность населения стабилизируется.

Однако на этом процесс, к сожалению, не завершается. На постиндустриальной стадии бурно растет женская занятость, увеличивается число женщин с высшим образованием, меняется структура потребностей семей и структура их приоритетов, в том числе приоритетов женской части населения – развитие ситуации ведет ко второму демографическому переходу, когда число детей, которых рождает одна женщина, не дает никакой возможности обеспечить даже простое воспроизводства населения. Скажем, в Испании на одну женщину приходится 1,15 рождений, в Италии – 1,2. А нужно для простого

воспроизводства 2,1. Никто не знает, в какой степени этот процесс устойчив и изменятся ли эти тенденции через 50 лет, но пока они нигде не менялись.

Специфика России только в одном: мы столкнулись с этим процессом на очень ранней стадии развития. Описанные тенденции начали у нас проявляться еще в 60-е годы, хотя можно было ожидать, что случится это лет через тридцать. Объяснение – в социалистической модели индустриализации. Женщин вытаскивали из семьи, из деревни на очень ранней стадии индустриального развития, послали на завод, и те начали вести себя после этого так, как ведут себя женщины в более развитых странах: стали меньше рожать. Нормальная российская девушка, вышедшая замуж в двадцатилетнем возрасте в 1880 г., успевала родить за свою жизнь семерых детей. А ее сверстница, вышедшая замуж в 1940 г., – только двоих. И с тех пор этот показатель только снижался.

Если оставить в стороне связанные с войнами демографические волны, которые несколько искажают понимание реального развития событий в России, будет видно: мы имеем дело с очень инерционными процессами, с ними мало что можно сделать, население у нас сокращается и будет – в долгосрочном плане – сокращаться. Правда, в краткосрочном плане рождаемость в ближайшие годы начнет расти. Связано это с последствиями длинной волны Второй мировой войны и никакого отношения к долгосрочным тенденциям не имеет. Они заданы.

Что это значит? Что предстоит весьма и весьма серьезный рост нагрузки населения старших возрастов на работающее население. Что мы будем жить в условиях сокращающейся численности рабочей силы. Еще раз подчеркиваю: Россия ничем в этом не отличается от подавляющего большинства других, относительно развитых индустриальных, неиммигрантских стран. То же самое будет в Италии или в Японии.

А чем в этом плане Россия от Японии, Франции или Италии отличается? Тем, что она – огромная, слабонаселенная страна, граничащая

на юге и востоке с государствами, которые: а) беднее нас, б) намного более населенные, чем мы.

Вывод легко просматривается: к нам будет идти поток мигрантов, причем, как показывает опыт стран, которые намного богаче нашей и у которых ситуация с границами проще, остановить в условиях демократического устройства страны поток трудовой миграции невозможно. Если, с одной стороны, работодатель предъявляет спрос на рабочую силу (а сегодня дефицит рабочей силы – важнейший фактор торможения экономического роста), и, с другой стороны, есть предложение этой рабочей силы, то никакими силами никогда удержать поток трудовой миграции не удастся. Это не удалось американцам, это не удалось европейским государствам, ресурсы которых неизмеримо больше, чем ресурсы России, а границы которых проще и короче. И нет абсолютно никакого резона считать, что мы, единственные, с этой ситуацией справимся. Когда работодатели хотят нанимать иностранных рабочих, а эти рабочие хотят быть нанятыми в России, их, повторю, не остановить.

На самом деле реальный выбор для России заключается не в том, хотим мы у себя иммиграцию или не хотим. Вопрос стоит иначе: хотим мы иммиграцию легальную или нелегальную? И другой вопрос: мы хотим управлять процессом иммиграции или хотим получать ту иммиграцию, которая будет стихийна и неуправляема? Согласно официальной статистике, у нас сегодня всего-навсего 400 тысяч трудовых иммигрантов. По оценке официальных же лиц, представителей органов власти, реальное число иммигрантов составляет от 1,5 до 15 млн. человек.

Причем, как показывает опыт, нелегальная иммиграция – самая опасная. Потому что нелегальные иммигранты не имеют никаких гарантий своих прав – трудовых, социальных. Они вынуждены полагаться на механизмы этнической солидарности. Они создают основанные на этнической солидарности и взаимопомощи закрытые сообщества, которые очень часто оказываются связанными с организованной преступностью. А

это, в свою очередь, рождает отторжение, антииммигрантские настроения в среде коренного населения, голосование за ультраправые партии, погромы – все то, что подталкивает к предельно опасному развитию политической ситуации.

В свете сказанного выше все, что мы делаем в последнее время в области иммиграционной политики (я имею в виду, мы как страна), просто поразительно контрпродуктивно. Можно подумать, что наши органы власти вообще не понимают, что происходит, что будет происходить и в чем ключевые проблемы. Закон «О гражданстве» в том виде, в котором он был принят, – насильственное выдворение иммигрантов. Да мы просто силой загоняем иммиграцию в нелегальную область, тем самым криминализируем иммиграцию, тем самым разжигаем фашистские настроения, тем самым подтягиваем угрозу фашизма в России.

Нашей стране необходима совершенно иная иммиграционная политика. На базе иной иммиграционной политики, на базе того, что государство на протяжении веков принимало иммигрантов, разумно регулировало этот процесс и адаптировало, возникла такая страна, как Америка. Кстати говоря, все развитые страны, доля которых в мировом населении сегодня сохраняется или растет, – это иммигрантские страны, страны, которые сумели приспособиться к задаче адаптации иммигрантов. Здесь есть некий набор технологических задач. Надо создавать систему, аналогичную американской системе «грин карт», которая предоставляет иммигрантам все гражданские социальные права, кроме права голоса. Надо менять Закон «О гражданстве». Надо проводить амнистию иммигрантов в целях их регистрации, в первую очередь налоговой регистрации. Надо иметь собственную программу привлечения тех иммигрантов, которые нам нужны, – скажем, свою программу привлечения тех иммигрантов, которые ему нужны, имеет Израиль. И Австралия имеет, и Канада, и та же Америка. Мы не имеем.

Кстати говоря, мы практически не используем колоссальный потенциал наших соотечественников – русских, живущих в странах СНГ. Те, кто смотрел выступление президента, отвечающего на вопросы телезрителей, помнят историю с прапорщиком из 201-й дивизии: человек, который 10 лет служит в Российской Армии и носит звание Героя России, несколько раз вынужден обращаться к нашим бюрократам с просьбой предоставить ему российское гражданство.

Но дело не только и не столько в технологии. Дело прежде всего в том, что для решения фундаментальной проблемы – как приспособиться к реалиям XXI века, как стать, если хотите, Америкой XXI века, чем Россия, я верю, действительно стать может, – мы должны радикально изменить свой взгляд на главные задачи формирования российского государства. Если бы американцы поставили перед собой задачу сделать Америку государством англосаксов, то и у них было бы в XXI веке будущее безрадостное. Россия имеет перспективу в XXI веке как многонациональная страна российских граждан. Да, с русским языком, с русской культурой, но – российских. Причем, напомним, на протяжении всей своей истории Россия была страной полиэтнической, с активной интеграцией иноэтнических элит в свою собственную элиту. В этом наше отличие от многих мононациональных государств Европы и Азии – таких, например, как Япония, перед которой на пути адаптации к реалиям XXI века проблемы стоят в этой связи тяжелейшие.

Но заявленная мною позиция требует другого подхода к российской государственности. В таком случае, зачем православие в школах в качестве обязательного предмета? В таком случае, почему мы запрещаем приход в Россию католических священников? Любое подчеркивание уникальной роли исключительно русского этноса в российском государстве – это просто бомба под будущее России в XXI веке.

Тема, которая тесно связанная с демографическим переходом и по которой мы ведем интенсивные дискуссии с правительством, ведем

большую совместную работу – система комплектования Вооруженных Сил.

К сожалению, наши генералы и многие политические деятели плохо понимают связь проблемы комплектования Вооруженных Сил с общими тенденциями мирового демографического развития. Армия, которая формируется на основе призыва, возникла в Европе в пору, когда Европа была еще набором крестьянских стран. В крестьянской семье было по 4–7 детей, из которых не все доживали до 18 лет, где потеря ребенка была, конечно, бедой, но бедой абсолютно привычной. В тогдашних условиях армия была для мальчика из деревни одновременно средством и социализации, и дополнительного образования, она давала ему возможность вырваться в город. Все это оказалось также вполне совместимым и с реалиями раннего индустриализационного этапа.

А что теперь? Теперь у нас постиндустриальное общество, в семье один-два ребенка, мальчик из них чаще всего только один, они образованы, они имеют шанс получить высшее образование. Так вот, полагать, что возможно *такому* обществу навязать армию, которая была адекватна реалиям позапрошлого века, – полнейшая иллюзия. Вьетнамская война в Америке, богатейшей стране, у граждан которой очень развито чувство патриотизма, показала: в условиях демократического общества вы никогда в жизни не заставите семью отправлять своего единственного ребенка по призыву воевать – по крайней мере, на войну, которая не считается бесконечно популярной и абсолютно необходимой.

В современных российских, социальных и демографических условиях мы в принципе не можем иметь нормально функционирующую армию, основанную на призыве. И не надо считать, что выход из ситуации в том, чтобы что-то где-то немножко подлатать. Нам нужен переход к контрактной армии. Никакого другого выхода нет, можно его откладывать на завтра, на послезавтра, смотреть, как вчера убежало 5 человек из казармы с автоматами, сегодня – 50, завтра еще пара десятков... Можно

смотреть на это, только не надо думать, что бегать они перестанут: побегии при таких обстоятельствах неизбежны.

Мы ведем довольно оживленную работу с Правительством, с Министерством обороны, с Администрацией Президента по поводу предлагаемой Союзом правых сил военной реформы; суть наших предложений довольно хорошо в стране известна и пересказывать ее я здесь не стану. Просто представлю, как развивались события.

Логика их развития в ходе эксперимента в 76-й дивизии была примерно следующей. Итак, мы хотим укомплектовать дивизию контрактниками. Среди них могут быть женатые? – Могут. – Должны им предоставить в таком случае квартиры? – Должны. – Но если мы предоставляем квартиру контрактнику, можно ли допустить, чтобы были бесквартирные офицеры? – Нельзя. – У нас есть бесквартирные офицеры? – Есть. – Значит предоставим квартиры всем бесквартирным офицерам 76-й дивизии. – А есть ли, кроме нее, другие дивизии с бесквартирными офицерами? – Немало. – Если мы предоставляем квартиры офицерам 76-й, может, не будем обижать офицеров других дивизий? – Конечно, не будем, предоставим и им тоже.

И далее в том же духе. Программа эксперимента выработывалась, очевидно, с таким расчетом, чтобы одновременно решались две задачи: потратить очень много денег и продемонстрировать, что перевести армию на контрактную основу невозможно. Из всех запланированных министерством обороны трат на то, что связано с оплатой контрактников, предусматривалось менее 10%.

К счастью, нам удалось привлечь внимание к этому вопросу, и теперь условия эксперимента изменены. Очень серьезную роль сыграло то, что мы сумели добиться в парламенте открытия значительной части военного бюджета, потому что наши оппоненты привыкли к тому, что в условиях закрытого бюджета, когда все тайно, ничего проконтролировать невозможно. Как только все, что связано с 76-й дивизией, выплыло, что

называется, на публику, наши оппоненты перестали доказывать столь же рьяно, как прежде, что замена службы по призыву контрактной службой – это вздор.

В ходе последнего обсуждения программы военной реформы на заседании правительства удалось добиться, на мой взгляд, трех важных вещей.

Первое. Оппоненты наши намеревались растянуть разработку программы на длительные сроки. Теперь решено, что она должна быть разработана к 1 июня 2003 года с тем, чтобы расходы на реформу можно было включить уже в бюджет 2004-го года.

Второе. Срок завершения реформы – если таковая вообще осуществится – оппоненты намечали на 2011 год. Решено, что реформирование должно быть проведено в течение 2004–2007 гг.

Третье. Наш Институт экономики переходного периода является исполнителем работ по этой программе – наряду с Министерством обороны, Министерством экономики и Министерством финансов.

Все это не значит, конечно, что проблемы решены. Нам предстоит тяжелейшие баталии. Но, по крайней мере, есть некий шанс на то, что что-то в этой области начнет продвигаться.

Образование и здравоохранение.

Проблемы, которые существуют сегодня в российской системе образования и здравоохранения, хорошо известны. Вряд ли стоит напоминать о низком качестве услуг, предоставляемых в этих сферах: неформальных платежах населения, попусту говоря, взятках, длинных очередях, выстоять в которых необходимо для получения услуг здравоохранения. Вместе с тем, проблемы, с которыми мы здесь сталкиваемся, не являются специфически российскими. Они характерны и для многих гораздо более богатых и развитых стран и обусловлены в целом постиндустриальным развитием.

Современная система финансирования, организация образования и здравоохранения формировались в то время, когда доля этих отраслей и в занятости, и в валовом внутреннем продукте была незначительной. Именно тогда можно было выстроить их как систему, которая финансируется из государственных источников за счет налогоплательщиков.

Однако затем в мире происходят существенные изменения. В постиндустриальную эпоху потребность в услугах здравоохранения и образования резко растет. Население стареет, в структуре его приоритетов потребности, связанные с охраной здоровья, оказываются более важными, чем потребности в одежде или обуви. Отсюда быстрое увеличение доли образования и здравоохранения и в занятости, и в ВВП, и в государственных расходах.

Однако налоговое бремя имеет свои собственные пределы. До сих пор мир не знает устойчиво, динамично развивающихся экономик, в которых через налоги перераспределяется более 50 процентов валового внутреннего продукта. Отсюда фундаментальное противоречие. Постиндустриальное общество требует, чтобы все большая часть его ресурсов направлялась на приоритетные для него потребности, такие как образование и здравоохранение и, вместе с тем, не готово платить налоги, необходимые для того, чтобы это обеспечить.

Иными словами, развитые рыночные демократии, лидеры современного роста оказались в ловушке, когда население хочет больше тратить на образование и здравоохранение, но оно не хочет больше платить налогов. Отсюда – дефицит ресурсов, все явления, хорошо известные именно нам из нашего советского прошлого: «вас здесь не стояло», «заходите завтра», «вас много, а я одна». Все это не реалии только российской медицины. Это в равной степени реалии английской медицины, канадской медицины, немецкой медицины. Но коль происходит такое в важнейшей сфере современной экономики, причем растущей,

которая будет продолжать расти, – никогда вы не остановите роста спроса на ее услуги – значит, пришла пора поменять парадигму того, как все здесь должно быть устроено.

Я вовсе не предлагаю отказаться от государственного финансирования образования и здравоохранения и перейти к чисто частному их финансированию – это глупость, которая не поддается реализации и вредна. Просто надо подумать: а можно ли решить эту задачу, поддается ли она решению?

Как ни странно, поддается. Надо вернуться для этого к исходным моментам формирования сегодняшней системы, скажем, финансирования здравоохранения и поразмышлять: а насколько они основательны? Ведь фундаментальная проблема всех европейских систем финансирования здравоохранения, – это смешение страховых и налоговых принципов.

Что касается России, наш работодатель платит за каждого из нас сегодня 3,6% в фонд медсоцстраха и 4% в фонд соцстраха. Но разве сумма, которую он платит, хоть как-нибудь влияет на качество тех услуг, которыми я или вы можем пользоваться? Да никак не влияет. Есть у вас реальное право выбора компании, в которой вы хотели бы застраховаться? Нет. Существуют ли какие-нибудь стимулы, побуждающие вас накапливать у своего страховщика больше средств? Опять-таки нет. Так какое же это страхование?! Надо честно признать, что это налог, он взимается для того, чтобы несколько расширить государственное финансирование медицинских учреждений, все остальное – внешние формы.

Так каким же образом переделать все это? Например, следующим. Почему не предоставить работодателю и работнику право выйти из государственной системы медико-социального страхования со всеми деньгами, которые мы туда платим, и перейти в конкурентную систему частных страховых медико-социальных компаний? Почему не предоставить им, далее, возможности выбора вполне определенного,

конкретного пакета услуг, который хочет получить тот или иной работник? Кто-то хочет получать бюллетень, а кто-то иметь страховку для аортокоронарного шунтирования. Почему не связать объем взносов с качеством предоставляемых услуг?

Если все это осуществить, дать работодателю и работнику право переходить со своими деньгами в конкурентную систему, то налог превращается в налоговую льготу. Это сегодня ничего не зависит от того, сколько средств перечислено в медсоцстрах для вашего лечения. Но если вы завтра получите возможность распоряжаться этими деньгами для того, чтобы оплатить тот конкретный пакет услуг по медицинскому обслуживанию, социальному страхованию, который вам нужен, – это радикально меняет дело. А если предпринять в дополнение к этому еще один шаг и ввести – самому для себя – дополнительный налоговый вычет? Скажем, к средствам, уплаченным работодателем, вы решили добавить еще 5% своего налогооблагаемого дохода – получается уже не 7,6%, а 12,6%. И эта сумма не облагается ни подходным налогом, ни социальным. Тогда это становится крайне интересной частью трудового контракта, свободной от налогов частью заработной платы, которая стимулирует направление в систему медицины дополнительных средств.

Что мы будем иметь в итоге? Первое. Заметное снижение социального налога – значительная часть его становится не налогом, а налоговой льготой.

Второе. Увеличение объема ресурсов, которые направляются на медицину; снятие ограничений, которые устанавливаются, в рамках налогового бремени, на пути дальнейшей экспансии ваших расходов на медицину, создание возможности широкого выбора для пациента, формирование конкурентной среды для медико-страховых организаций. И появляются нормальные стимулы, которые будут вести к трансформации самой системы институтов, функционирующих в области

здравоохранения. Вести, обращаю внимание, путем отнюдь не административным.

Могут спросить: а как же низкооплачиваемые больные, у которых не хватит денег для того, чтобы обеспечить себе хотя бы минимальную адекватную страховку? Им, безусловно, надо помогать. За счет небольшой части необходимых для этого страховых платежей компенсируется недостаток ресурсов для наименее оплачиваемой части работников. Это понятно, и я готов платить налоги, деньги из которых пойдут самым бедным и самым больным. Но платить налоги, средства из которых идут самым богатым и преуспевающим, – этого я не понимаю.

Система образования. Для ее реформирования предлагаются идеи, схожие с теми, которые предлагались выше применительно к здравоохранению.

Хорошо известно, что система набора в вузы крайне коррумпирована. Есть опросы по этому поводу, есть оценки объема ресурсов, которые сюда вовлечены. Обучение в вузе к тому же является едва ли не самым распространенным способом ухода от призыва, и в этой связи проблема обучения и проблема призыва – это проблемы взаимосвязанные.

Что сейчас происходит в этой сфере? Происходит буквально следующее. Человеку как бы говорят: если ты богатый и со связями, если знаешь, как дать взятку приемной комиссии, то сын твой будет учиться в вузе, и налогоплательщики будут платить за это деньги. А если ты бедный и без связей, тогда, извини, он учиться в вузе не будет, и его пошлют в армию.

Проводится, как вы знаете, эксперимент по сдаче единого экзамена за курс средней школы. Среднее образование государство гарантирует всем, и это замечательно, так и должно быть. Но что касается вуза – расходы на чью-то учебу в нем налогоплательщик возьмет на себя, а на чью-то – нет. Разумеется, должна быть простая и прозрачная процедура,

которая определяет: кому достанутся здесь деньги налогоплательщика. Отсюда и происходит идея единого экзамена. Практически с ней невозможно спорить, пока мы обсуждаем вопрос о том, как делить деньги налогоплательщиков.

Но вот дальше... Дальше возникает другая проблема, и заключается она в том, что единый экзамен, к сожалению, – совсем не та форма, которая позволяет отобрать людей, способных учиться в том или другом конкретном вузе. Если вы на основе единого экзамена станете отбирать поступающих в консерваторию, во ВГИК, на мехмат МГУ или в Институт востоковедения, то столкнетесь со странной, мягко говоря, ситуацией в области качества подготовки. Короче говоря, деля деньги налогоплательщиков, вы стремитесь выйти на простые процедуры, однако простые процедуры не позволяют осуществить адекватный отбор будущих студентов в вузы соответствующего профиля. Противоречие, что и говорить, фундаментальное.

И чтобы как-то его разрешить, надо, видимо, отказаться прежде всего от одной несусветной глупости, которая, увы, зафиксирована в нашем законодательстве и которая жестко диктует, сколько студентов мы должны обучать на 10 тысяч жителей. Это и вообще-то глупость, а уж для России подавно – с ее большими демографическими волнами, когда разница в количестве молодых людей, входящих в следующие одна за другой возрастные когорты, составляет почти два раза! Давайте хотя бы по этим когортам считать, а не от числа жителей. В 2007 году выяснится, что учить в вузах бесплатно мы должны юношей и девушек в числе большем, чем у нас их будет физически. Лучше откажемся от этой несуразной нормы и увеличим реальное финансирование на одного студента, которого намереваемся обучать бесплатно. При этом вузы становятся реально некоммерческими организациями. Мы говорим им: единственное, за что вам будут платить, и платить много, – это за то, что вы будете качественно учить ребят, отобранных по результатам ли единого экзамена, по итогам

ли олимпиад или иных каких-то законных процедур. Ваше право, вузы, решать, кто из этих ребят, достойных того, чтобы за них платили налогоплательщики, подходит для Физтеха, кто для консерватории, и так далее. Но никаких других бюджетных источников, кроме этих, у вас не будет.

При таком подходе возникает возможность: а) выбора; б) конкуренции вузов за этих самых ребят.

Мы должны, мне думается, иметь три канала предоставления подобного рода образовательных ваучеров, которые обеспечиваются адекватным финансированием.

Первый – это действительно система единых конкурсов, чтобы способный мальчик, способная девочка в малом городе могли выполнить конкурсные условия и получить этот образовательный ваучер.

Второй – тематические олимпиады. У нас в России хорошая культура тематических и, кстати, некоррупцированных олимпиад – математических, физических и др. Проходит через такие олимпиады не столь уж много юношей и девушек, но из них уверенно выделяются в конце концов особо одаренные.

Третий – армия. Военнослужащий, подписавший контракт и отслуживший определенный этим контрактом срок, тоже должен иметь право на образовательный ваучер. Вполне логично, что обучение его в вузе тоже оплатит налогоплательщик. К слову сказать, фундаментальные сдвиги в уровне образования Америки произошли после Второй мировой войны на основе так называемого солдатского «Билля о правах», когда участники войны смогли получить высшее образование, профинансированное государством. И подобного рода систему, конечно, можно и нужно вводить у нас, ведь это – важнейший инструмент реализации военной реформы.

Вернемся к теме среднего образования. У нас есть, в небольшом, правда, количестве, частные школы и есть частные деньги, которые

родители тратят на образование в них своих детей. Система при этом так устроена, что если я за обучение ребенка в российской частной школе плачу свои частные деньги, то права на государственные средства уже не имею. А, собственно, почему? Я что, не плачу налогов? Почему, если я хочу, чтобы мой сын учился в частной школе, то не могу добиться, чтобы на финансирование его обучения тратились такие же деньги, что и на того же моего мальчика, как если бы он учился в государственной школе? На самом деле, ситуация, при которой деньги следуют за учеником и государственное финансирование не отменяет, а дополняет частное финансирование, – в этом, мне представляется, – стратегическое направление развития, потому что, еще раз подчеркиваю, мы никогда за счет чисто государственных денег в полном объеме ситуацию с финансированием образования в постиндустриальном обществе не вытащим.

Я говорил о том, что имело бы смысл предоставить налоговую льготу или налоговый вычет на здравоохранение. С образованием – схожее положение. Мы сегодня опять же финансируем образование в значительной степени из государственных источников. Пришла пора дать нашим гражданам возможность направлять часть своих доходов на нужды образования – скажем, на образовательные специальные счета для получения высшего образования, – не облагая их социальным и подоходным налогом, в том же режиме, который сегодня уже отработан и внедрен в законодательство для накопительной Пенсионной системы.

Завершая, подчеркну: перед нами очень серьезные стратегические проблемы. Я не думаю, что нынешняя партия власти способна предложить решение этих проблем. Да, будет обещана квартира каждому к 2006 году, к 2017 году нам пообещают обогнать Америку, но, к сожалению, вряд ли дадут ответ на вопросы о том, как, собственно, всего обещанного добиться. Именно поэтому наличие правоцентристской альтернативы является важнейшим нашим преимуществом. Именно поэтому сильная

правоцентристская демократическая партия – это важнейший фактор, который определяет перспективы развития России в XXI веке. А если бы нам удалось добиться единства демократических и правоцентристских сил, это, действительно, была бы другая Россия.